

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40

УДК 316.4

Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010-2020 гг.)

Ольга Александровна Якимова

кандидат социологических наук, доцент
кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, РФ)
ORCID: 0000-0003-2212-4357
o.a.iakimova@urfu.ru

Аннотация. На протяжении последних десятилетий исследователи фиксируют высокий уровень ксенофобии среди россиян и его стабильность, что свидетельствует о значимости миграционной проблематики в стране и об ее актуальности в публичном дискурсе. Однако объяснительные модели, используемые для анализа восприятия местными жителями иммигрантов в западных странах, не находят безусловного эмпирического подтверждения в России. В этом контексте исследователи акцентируют значимость медиадискурса как ведущего фактора в конструировании отношения россиян к иностранным мигрантам. Учитывая устойчивость ксенофобских настроений среди граждан России и роль конструируемого массмедиа образа мигрантов в формировании того или иного их восприятия у местных жителей, в статье выдвигается гипотеза о том, что, несмотря на официальную политику запрета «языка вражды» и этнизации преступности, в российском медиадискурсе не только сохраняется, но и усиливается негативная репрезентация трудовых мигрантов. В методологической рамке критического дискурс-анализа с целью проверки данной гипотезы анализируются результаты исследований российского медиадискурса о миграции, опубликованные в период с 2010 по 2020 г., что и выступает целью настоящей статьи. Исследование показало определенный прогресс, связанный с раскрытием ситуации с мигрантами в средствах массовой информации в конце текущего десятилетия, обусловленный уменьшением внимания массмедиа к миграционной проблематике. Делается вывод, что, с одной стороны, это может способствовать снижению межнациональной напряженности, а с другой — затруднять формирование культуры взаимоотношений местного и иммигрантского сообществ, поскольку национально-культурные особенности мигрантов и их опыт жизни в России по-прежнему остаются непредставленными в медиа.

Ключевые слова: медиадискурс, иностранные мигранты, ксенофобия, критический дискурс-анализ, Россия.

Цитирование: Якимова О. А. Репрезентация мигрантов в российских массмедиа и ее динамика (2010-2020 гг.) / О. А. Якимова // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 4 (14). С. 22-40.
DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40

ВВЕДЕНИЕ: ПОЧЕМУ ОБРАЗ МИГРАНТОВ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?

На протяжении последних десятилетий отечественные и зарубежные исследования демонстрируют, что россияне относятся к иностранным мигрантам в большей степени негативно, нежели позитивно [40, 42], и в целом значительно более враждебно, чем граждане европейских государств [32, 34, 35]. Высокий уровень ксенофобии (на уровне 60%) среди населения нашей страны [39] и его стабильность [21] свидетельствуют о значимости миграционной проблематики в российском обществе и об актуальности миграционной повестки в публичном дискурсе.

С одной стороны, как отмечают И. В. Ивлева и А. В. Тавровский, «благодаря присутствию мигрантов увеличивается этническое разнообразие населения, развивается рынок труда, социальный и культурный ландшафты обогащаются новыми идеями и практиками. С другой стороны, обусловленное миграцией всё возрастающее разнообразие бросает вызов сложившемуся социальному порядку и может способствовать росту напряжения в принимающем обществе» [13, с. 150]. Устойчивые негативные установки населения по отношению к иностранным мигрантам поддерживают в социуме фоновое состояние тревоги и взаимного недоверия.

Так, на социальном уровне развивается этническая стратификация и этнизация проблем [13], по мнению ряда авторов, «усиливаются взаимное групповое дистанцирование и замкнутость, не формируются практики партнерства, осложняется адаптация мигрантов к жизни в незнакомой для них среде» [2, с. 19; 6; 8; 9]. Следует согласиться с выводом, что «со стороны принимающего общества это может привести к дискриминации и ограничению в правах некоторых категорий мигрантов, а со стороны самих приезжих — к враждебности и актам агрессии» [2, с. 19; 26].

Рост популярности правоцентристских, ксенофобски ориентированных общественных движений в Европе подтверждает, что на политическом уровне распространены негативные установки по отношению к иностранным мигрантам

среди населения чревато усилением антимигрантских позиций в повестке политических партий. Неприятие иммигрантов местным сообществом способно оказывать влияние на социальную политику принимающих государств, в частности, на принципы организации системы социальной защиты и обеспечения населения. А. Шмидт-Катран и Д. Спиес подчеркивают, что стереотипный образ иммигрантов, распространенный в обществе, выступает как медиатор причинно-следственной связи между отношением индивида к приезжим и его оценкой социальной политики государства [43]. Так, например, европейцы воспринимают мигрантов как недостаточно целеустремленных, мотивированных и менее способных к упорной работе, а следовательно, не заслуживающих поддержки со стороны системы социальной защиты, финансируемой за счет средств государственного бюджета [41, 48]. Многие белые американцы характеризуют афроамериканцев как ленивых и не склонных работать и подозревают их в злоупотреблении программами социального обеспечения [37]. Тем не менее факт влияния восприятия иммигрантов на отношение к государственной системе социального обеспечения не является, по мнению исследователей, социологической необходимостью, а обусловливается распространенными в обществе стереотипами о «ленивых мигрантах» [37, с. 1011; 43, с. 244].

Учитывая потенциальные негативные социальные и политические последствия ксенофобии, важно понимать, что обеспечивает распространение и стабильность неприятия иностранных мигрантов в российском обществе?

Методологически негативное отношение к иммигрантам в нашей стране может быть объяснено в рамках нескольких теоретических подходов.

Теория социальной идентичности. В контексте теории социальной идентичности (и связанной с ней национальной идентичности), в условиях «постсоциалистического» и «постимперского» сдвига, сопровождающихся, во-первых, системной ценностной трансформацией и, во-вторых, интенсивной территориальной мобильностью населения «между бывшим центром и перифе-

рией, российское общество пытается осмыслить свою новую идентичность в окружающем мире, конструируя постсоветскую линию размежевания на „своих“ (соотечественники) и „чужих“ (мигранты)» [1].

Теория смещенной агрессии. Усложнение социального мира, обусловленное процессами одновременной глобализации и глокализации, развитием технологий, угрозами террористических атак и стихийных бедствий, а также экономической нестабильностью, ведет к нарастанию в обществе напряженности, требующей разрядки. В этом контексте мигрантофобия как смещение социальной напряженности, по мнению Л. Д. Гудкова, «становится необходимой составляющей адаптационной реакции принимающего сообщества» [10, с. 65]. Тем не менее социологи отмечают, что актуализация определенных объектов неприятия зависит от социально-политического контекста. Например, несмотря на устойчивость антимигрантских установок среди россиян, они не обнаруживают стабильного ярко выраженного конфликтного потенциала. Это можно объяснить тем, что в середине второго десятилетия XXI в. в российском публичном дискурсе присутствовали более раздражающие, нежели мигранты, образы «чужих», связанные с «усилением негативизма в отношении Украины, стран Европы и США» [20]. В свою очередь, наметившееся в 2018 г. усиление ксенофобии у жителей России может быть проекцией на мигрантов негативных эмоций «на фоне недовольства пенсионной реформой и ухудшением экономической ситуации в стране в условиях, когда „канализация негативных настроений“ на Запад исчерпала себя» [7]. Таким образом, «ксенофобия может возникать в ответ на внутренние напряжения и комплексы, но затем влечет за собой проективную реакцию обоснования своей недоброжелательности в мнимых аргументах чужой неприязни и агрессии» [10, с. 65].

Теория межгрупповой конкуренции. Эта теория объясняет антимигрантские настроения восприятием приезжих как реальных или потенциальных конкурентов на рынке труда [36]. Учитывая сферу занятости и уровень оплаты труда пода-

вляющего большинства трудовых мигрантов, учеными установлено, что в качестве потенциальных конкурентов они воспринимаются гражданами, относящимися к группе низкоквалифицированных работников, а также теми, кто ощущает себя экономически уязвимыми. В данном случае негативное восприятие иммигрантов как конкурентов на рынке труда не отличается от восприятия любой другой социальной или профессиональной группы, если она рассматривается гражданами как представляющая угрозу их занятости, то есть их субъективному экономическому благополучию. Такое восприятие приезжих является отрицательным, однако оно не основано на предубеждении [43, с. 245].

Теория межгрупповой угрозы. Восприятие иностранных мигрантов как незваных гостей объясняется в рамках этой теории страхом утраты ресурсов из-за вторжения «чужого». В основе подобного восприятия иммигрантов лежит разделение групп на «доминирующую» («мы-группа») и «подчиненную» («они-группа»), а также убежденность в том, что определенные ресурсы, например, рабочие места и/или социальное обеспечение, должны быть в распоряжении только граждан, то есть членов «мы-группы». Иммигранты, реально или воображаемо претендующие на те или иные ресурсы, воспринимаются местным сообществом как экономическая (реальная) или культурная (символическая) угроза привилегированному/доминирующему положению граждан как группы [44].

Позиционирует ли мигрантов коренное население как «чужих» в целях групповой самоидентификации, или в целях утверждения собственной доминирующей позиции, или же в целях канализации/смещения недовольства — все эти случаи объединяет наличие у граждан предубеждения по отношению к приезжим, их негативно-го образа и стереотипного восприятия — то есть элементов социального фонового знания, конструируемого массмедиа.

Отечественные исследователи репрезентации миграционной проблематики в СМИ отмечают приоритетную значимость и огромные возможности сферы медиа «в формировании представ-

лений о том или ином событии, факте, явлении, в том числе о миграции и мигрантах» [4, с. 184]. Ученые подчеркивают, что СМИ, конструируя определенные «образы, оценки и стереотипы в общественном сознании, воздействуют тем самым на формирование определенных межэтнических установок и общественного мнения по вопросам миграции» [2, с. 18; 8, с. 88]. Обладая подобными возможностями и властью, массмедиа «могут выступать как катализаторами конфликтов, так и формировать толерантное отношение принимающего общества к мигрантам, способствовать их адаптации» [3, с. 672].

Анализ роли СМИ в контексте изучения распространённости ксенофобии в России представляет особый интерес потому, что их роль в процессе формирования негативного восприятия мигрантов в нашей стране оценивается учеными потенциально выше, чем в западных странах. Это обусловлено тем, что объяснительные модели формирования того или иного отношения к иммигрантам, «работающие» в государствах со стабильными демократическими режимами, включенных в международный миграционный процесс на протяжении длительного периода времени, не находят безусловного эмпирического подтверждения в России. В частности, общепризнанные в западной традиции предикторы отношения населения к иммигрантам, такие как социально-экономический статус (теория межгрупповой конкуренции), мировоззрение и культурные ценности (теория ценностей), а также демографические характеристики, в нашей стране оказывают очень скромное влияние на формирование того или иного восприятия приезжих [38, 39]. Из этого следует, что повышается значимость других потенциальных детерминант отношения россиян к иммигрантам, таких, например, как медиадискурс о миграции или субъективные психологические характеристики (например, ориентация на социальное доминирование) [35].

Учитывая, с одной стороны, динамику роста ксенофобии среди населения России, а с другой стороны, роль конструируемого массмедиа образа мигрантов в превалировании того или ино-

го их восприятия у местных жителей, мы выдвигаем гипотезу, что, несмотря на официальную политику запрета «языка вражды» и этнизации преступности, в отечественном медиадискурсе репрезентация трудовых мигрантов в негативном свете не только сохраняется, но и усиливается.

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Для теоретической проверки этой гипотезы мы проанализировали научные статьи, посвященные образу миграции и мигрантов в российских СМИ, опубликованные в течение последнего десятилетия на русском языке. Их отбор производился через платформу научной электронной библиотеки eLIBRARY по ключевому словосочетанию «образ мигрантов в СМИ» с ограничением временного интервала публикаций 2010-2020 гг. В результате мы получили список из 55 статей, из которого исключили те, которые анализировали образы мигрантов в иностранных медиа, а также те, тексты которых отсутствовали в свободном доступе (либо не было самого текста, либо он предлагался за плату). Из оставшихся 28 публикаций мы отсеяли те, которые не основывались на результатах эмпирического исследования и/или не излагали его методологию. В результате мы получили выборочную совокупность из 17 научных текстов, анализ которых лег в основу написания данной обзорной статьи.

Отобранные публикации мы анализировали по следующим параметрам: 1) теоретико-методологические подходы, являющиеся рамкой исследований медиадискурса о миграционном процессе, и используемые учеными методы анализа данных; 2) вид (печатное, ТВ, онлайн) и уровень (федеральные, республиканские, региональные) СМИ, выступивших объектами изучения; 3) размер выборочной совокупности; 4) жанры и рубрики, используемые массмедиа для репрезентации миграции и мигрантов; 5) основные характеристики образа мигрантов, фиксируемые отечественными исследователями.

В качестве рабочего определения понятия «образ мигранта» мы задействовали предложенное Н. Н. Аблажей, которая интерпретирует его «как

социокультурный феномен, представляющий собой совокупность рациональных и иррациональных суждений, основанных на оценках, ощущениях и ассоциациях. <...> Составной частью образа являются стереотипы и мифологемы. <...> Образ мигранта складывается: непосредственно 1) на основе широкой социальной практики и непосредственного наблюдения; и опосредованно 2) формируется в процессе функционирования общественного мнения» [2, с. 17-18]. Этим же определением в своем исследовании пользуется, например, Н. П. Гончарова [8], статья которой наряду с прочими отобранными является объектом нашего анализа.

Для характеристики репрезентации образа мигрантов в отечественных массмедиа мы использовали методологическую рамку анализа визуальных репрезентаций социальных акторов Т. ван Левена [47] и предложенную им модель оценивания дискурса, включающую в себя следующие элементы: 1) категории мигрантов и социальные контексты, включаемые и не включаемые в репрезентацию (*исключение*); 2) репертуар ролей мигрантов в медиа (*роли*); 3) акцентуация индивидуальности или типичности мигрантов (*индивидуальность или социальный тип*); 4) репрезентация мигрантов как самостоятельных социальных акторов или как однородной группы (*индивиды и группы*); 5) анализ позитивных либо негативных ценностей/ассоциаций, приписываемых мигрантам, и наличие или отсутствие преувеличения их физических черт (*культурная и биологическая категоризация*).

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Исследования отечественных социальных ученых, посвященные миграционному медиадискурсу, укладываются в методологические рамки актуальных для объяснения отношения принимающего сообщества к приезжим теорий — межкультурной коммуникации, межгрупповой угрозы, когнитивного диссонанса, контактной теории и, соответственно, подтверждают их гипотезы.

«Теория межкультурной коммуникации исходит из предпосылки, что и мигранты, и принимающее сообщество формируют социальные образы

друг друга, — пишет Н. Аблажей. — В случае доминирования безоценочных и эмоционально-нейтральных образов социальное взаимодействие упрощается, становится предсказуемым и бесконфликтным. В ситуации, когда во взаимных обобщенных представлениях проявляются оценочные характеристики и эмоционально насыщенные метафорические черты, — возникают предубеждения, а возможности межгруппового взаимодействия проблематизируются» [2, с. 18]. Ведущую роль в формировании образов друг друга играет непосредственное взаимодействие участников коммуникации (контактная теория). Однако в ситуации, когда личное общение затруднительно или невозможно в силу несоприкосновенности или редкого пересечения жизненных миров и контекстов (как, например, у мигрантов и местных жителей), основная роль в процессе конструирования образов переходит к СМИ. В рамках теории межгрупповых угроз «пресса способствует „переводу“ неприятия той или иной группы с бытовых, неоформленных стереотипов на уровень внешне аргументированных обоснований мотивов поведения „другого“/„чужого“. Это формирует как оппозицию „мы — они“ / „свои — чужие“, так и соответствующие стереотипы массового сознания» [2, с. 18-19]. Согласно теории когнитивного диссонанса, СМИ способствуют формированию существующего в массовом сознании образа приезжих, поэтому репрезентация мигрантов и миграции в медиа отражает структуру и содержание соответствующего публичного дискурса.

В течение последнего десятилетия социальные ученые в исследованиях репрезентации миграционного процесса в российских массмедиа преследуют следующие цели: 1) проанализировать характер информационных сообщений по тематике миграции; 2) оценить содержание медиадискурса в контексте формирования им толерантного или интолерантного отношения местного населения к трудовым мигрантам; 3) изучить особенности формирования и восприятия образа мигранта, в т. ч. в отечественных СМИ; 4) выявить проблемы конструирования образа «чужих» в современном российском обществе на примере трудовых мигрантов; 5) составить типологию об-

разов приезжих, создаваемых и транслируемых массмедиа; 6) выделить метафорические модели в нарративах о миграции; 7) сравнить репрезентацию мигрантов в официальном дискурсе и в социальных сетях.

В качестве объекта анализа традиционно выступает пресса всех уровней — региональная, республиканская, федеральная. Тем не менее, учитывая, что популярность газет на протяжении последнего десятилетия неуклонно снижается, лидирующие позиции ТВ — сохраняются, а интернет с каждым годом расширяет свою аудиторию, исследования репрезентации миграции и мигрантов всё чаще начинают фокусироваться именно на последних двух информационных каналах.

Среди методов анализа медиадискурса используются контент-анализ, дискурс-анализ и семантический анализ текста. Выборочные совокупности колеблются от сотни до тысячи текстов и в пределах нескольких сотен фото- и видеосюжетов за годичный период.

Сбор информации исследователи осуществляют посредством таких основных индикаторов, как тематика / информационный повод материалов, посвященных иностранным мигрантам; их заголовки; жанровая характеристика и доминирующая коннотация (негативная, позитивная или нейтральная); частотные лексические единицы, используемые для описания приезжих; число материалов за указанный период и занимаемое ими пространство.

Жанровые тенденции текстов о мигрантах четко не просматриваются. Преобладают информационная заметка и обзор, в равной степени представлены интервью, авторские статьи, очерки и комментарии. В ТВ-формате преобладают новостные сюжеты, комедийные и ток-шоу.

Поскольку в контексте данной статьи мы исходим из предпосылки, что отношение к группе определяется ее образом и заключенной в нем потенциально исходящей межгрупповой угрозой, далее, используя аналитическую рамку модели Т. ван Левена [47], рассмотрим конструируемые СМИ характеристики образов мигрантов, фиксируемые исследователями российского медиадискурса.

1. Категории мигрантов и социальные контексты, включаемые и не включаемые в репрезентацию (исключение). В актуальную повестку медиадискурса о миграции традиционно входят вопросы межэтнического взаимодействия, адаптации и межкультурной интеграции иммигрантов; проблематика регулирования миграционных процессов и социального обслуживания мигрантов; борьба с нелегальной миграцией, общественные фобии об угрозах терроризма и о вытеснении местных жителей с рынка труда приезжими [9, с. 91; 16, с. 54].

Публикации СМИ посвящены преимущественно двум категориям мигрантов, находящихся на территории нашей страны, — это а) трудовые и б) нелегальные мигранты, нарратив о которых вплетается в негативный либо нейтральный, гораздо реже — в позитивный социальный контекст.

Негативная репрезентация мигрантов характеризуется наибольшей, по сравнению с нейтральной и позитивной, событийной вариативностью. Журналисты и блогеры повествуют о приезжих в контексте исходящих от них опасностей материальному благополучию местных жителей и их культуре; подчеркивают, что присутствие мигрантов обостряет существующие в обществе проблемы, связанные с преступностью и распространением наркомании, а также создает дополнительные эпидемиологические угрозы [2, с. 18; 4, с. 185]. Иллюстрацией для подобного контекста репрезентации мигрантов в медиадискурсе могут служить заголовки видеоматериалов на платформе YouTube, отобранные для исследования Е. Данилко: «Мигранты: грабежи»; «Мигранты: проституция»; «Мигранты: убийства», «Мигранты: изнасилования», «Мигранты: наркоторговля» и др. [11, с. 13]. Коль скоро в своем большинстве мигранты принадлежат к мусульманской религии, довольно часто встречающимся контекстом материалов о них «является обсуждение угроз распространения нетрадиционного ислама и его радикальных проявлений, причастность мигрантов к проникновению в страну чуждых идеологических течений и экстремистских организаций» [19, с. 255].

Информационными поводами для материалов нейтрального характера преимущественно являются вопросы, связанные с обеспечением правопорядка и применением законодательства РФ в отношении иностранных мигрантов. Приезжие в таком случае оказываются объектом государственного регулирования [18, с. 166].

В качестве позитивного контекста репрезентации мигрантов выступают: а) материалы о «национально-культурных праздниках» мигрантов [17, с. 93], б) проблематика нехватки рабочей силы для функционирования и развития экономики страны [4, с. 185] и в) «просветительский» контент, где сами приезжие делятся опытом и советами относительно «получения гражданства, поиска работы, организации собственного бизнеса» [11, с. 14], то есть рассказывают миру о себе. Парадокс подобного рода информационных ресурсов заключается в том, что, как правило, и производителями контента, и их аудиторией выступают собственно мигранты, поэтому подобные материалы не оказывают заметного влияния «на общий уровень негативного информационного шума» по поводу приезжих [11, с. 15]. Репрезентации опыта совместного проживания разных народов в России, особенностям их культуры в СМИ в целом уделяется крайне мало внимания [27, с. 109].

2. Репертуар ролей мигрантов в медиа (роли). Согласно исследованиям ученых, в российском медиадискурсе мигрантам приписываются следующие роли:

- а) *«Захватчики»/«оккупанты»*: мигранты выступают в «качестве инструмента для вытеснения коренного населения с рынка труда» [2, с. 18] и, более того, могут играть роль «антропологического оружия в необъявленной демографической войне» [24, с. 115]. Приезжие представляют угрозу для местных жителей, поскольку пытаются захватить, например, Москву и предъявляют претензии на такие же права, как у граждан [11, с. 16]. Приписывание мигрантам роли захватчиков и оккупантов отражается в «новообразованных топонимах, маркирующих „оккупированные“ чужаками территории: Москвабад, Чуркистан» [11, с. 18]. Инструментом конструирования образа мигрантов, соответствующего данной роли, выступает, согласно типологии А. П. Чудинова [28], гидронимная метафора, связанная с фреймом «движение воды»: «в СМИ широко используются такие словосочетания, как „волна, накрывшая страну“, „наплыв мигрантов“, „поток нелегальных мигрантов“, „приток мигрантов“, „отток мигрантов“» [15, с. 33]. Благодаря ассоциированию миграционного процесса с представляющим опасность для человека явлением природы, медиа маркируют миграцию как явление, не поддающееся контролю и потенциально опасное.
- б) *«Враги»*: данная роль и соответствующий ей образ перекликаются с описанной выше ролью «захватчиков и оккупантов». В качестве инструмента конструирования образа «врага» выступают социоморфные милитарные метафоры со сферой-источником «война»: «армия мигрантов», «мигранты наступают» и пр. «Метафоры, связанные с военной тематикой, способствуют формированию негативного восприятия приезжих, поскольку ассоциируют их с врагами, представляющими угрозу для граждан» [15, с. 34]. Мигрант как «враг» создает чувство «опасности, напряжения и тревожности» у членов принимающего сообщества [30, с. 194].
- в) *«Провокаторы»*: трудовые мигранты выступают в качестве зачинщиков ссор и драк как с местными жителями, так и друг с другом (имеются в виду конфликты мигрантов разных национальностей: таджиков с узбеками и т. д.) [4, с. 185].
- г) *«Преступники»*: иллюстрацией репрезентации мигрантов в роли преступников могут быть материалы о включенности мигрантов в незаконную торговлю алкоголем и наркотиками [17, с. 93-94]; об их участии в преступлениях с применением физического насилия — «убийствах, разбойных нападениях, грабежах, изна-

силовании, драках» [19, с. 254]; о связи «нелегальной миграции с проблемами терроризма» [29, с. 42]. Количество тревожных материалов, «в которых говорится, что потерявшие работу мигранты неизбежно пополнят ряды мелких преступников» [23, с. 397], увеличивается в периоды социально-экономических кризисов: так было накануне и во время кризиса 2008 г., а также в начале ввода ограничительных мер, связанных с территориальными передвижениями и работой предприятий и организаций, обусловленных пандемией 2020 г.

- д) «Жертвы»: значительно реже, чем в описанных выше ролях, мигранты выступают в качестве жертв неблагоприятного для них стечения обстоятельств или пострадавших от обмана недобросовестными работодателями. Для этого нарратива характерно приписывание мигрантам таких качеств, как наивность и безобидность, что провоцирует у аудитории скорее «симпатию и жалость, нежели отчуждение» [13, с. 160-161].
- е) «Профессионалы»: при упоминании приезжих в контексте этой роли в СМИ используются термины с позитивной коннотацией — «специалисты, партнеры, гости, соседи» [19, с. 257]. В отечественных медиа в роли профессионалов мигранты упоминаются крайне редко.

В целом ученые солидарны, что превалирующим концептом репрезентации трудовых мигрантов в российских СМИ является их противопоставление местному населению в качестве «чужих», чему способствует приписывание приезжим вызывающих тревогу и чувство опасности ролей «захватчиков», «врагов», «провокаторов» и «преступников».

3. Акцентуация индивидуальности или типичности мигрантов (индивидуальность или социальный тип). Исследователи отмечают, что «на фоне значительного количества посвященных мигрантам материалов СМИ, в том числе на ТВ, массмедиа не формируют

индивидуальный образ мигранта» [2, с. 21]. Образ приезжих становится для россиян всё более схематичным и безликим и, как правило, «характеризуется определенной этнической принадлежностью» [5, с. 87]. В мигранте наши соотечественники видят типичного представителя иной этнической группы. Так, «средний россиянин не различает мигрантов из закавказских стран и коренное население российской части Кавказа», объединяя всех выходцев с этой территории устойчивым выражением «лицо кавказской национальности» [2, с. 21]. Точно так же, посредством метафоры «таджик(и)» именуется все мигранты из постсоветской Средней Азии (возможно, это связано с тем, что из среднеазиатских народов первыми трудовыми мигрантами в России были именно таджики). Фактически слово «таджик» превратилось в синоним слова «гастарбайтер», а сам жаргонизм стал общепринятым в российской массовой речевой практике [12, 23]. При этом образы мигрантов-злодеев, совершающих преступления против местных жителей, как правило, индивидуализированы: СМИ сообщают их имена и отдельные стороны биографии [13, с. 160]. Однако поскольку в таких материалах, как правило, акцентируется и этническая принадлежность приезжих [13], то они укладываются в общий для массмедиа тренд этнической типизации мигрантов.

4. Репрезентация мигрантов как самостоятельных социальных акторов или как однородной группы (индивиды и группы). В медийном дискурсе мигранты не выступают как самостоятельные социальные акторы, а предстают в виде неодушевленной массы, потока, резервуара рабочей силы [2, 5, 8]. Исследователи отмечают характерные для стратегии деперсонализации характеристики их образа, такие как безликость и многочисленность: «...это толпа, даже стадо... не прошедшее цивилизационной обработки племя, кишлачная масса, дикая и малограмотная орда» [11, с. 18]. Приезжие выступают в качестве «товара, который можно купить, отправить и доставить» [15, с. 34] или «пассивных объектов проверок и рейдов правоохранитель-

ных органов» [13, с. 160]. То же можно сказать и по поводу фотоматериалов, сопровождающих текстовые сообщения о мигрантах: их оригинальные фотографии встречаются крайне редко. На изображениях, где запечатлены приезжие, «преобладают группы мужчин работоспособного возраста — выходцы из Средней Азии» [18, с. 166]. Внимание аудитории, таким образом, акцентируется не на индивидуальности мигрантов, а на их принадлежности к определенной социальной группе.

5. Анализ позитивных либо негативных ценностей/ассоциаций, приписываемых мигрантам, и наличие или отсутствие преувеличения их физических черт (культурная и биологическая категоризация). СМИ подчеркивают концептуальные культурные различия гендерных, сексуальных, семейных и религиозных норм мигрантов и россиян [2, 13]. Семантический акцент делается на том, что «у мигрантов другой язык, другой менталитет, другая культура» [16, с. 54]. Создатели контента о мигрантах в социальных сетях на уровне лексики прибегают в своих нарративах к стратегиям а) дегуманизации (ассоциирование мигрантов с животными: «звери», «шакалы», «бараны»); б) принижения (мигранты как воплощение умственной отсталости: «чурки», «чурбаны»); в) акцентуации инаковости (через выпячивание фенотипических особенностей: «муслимы», «черные» и пр.) [11, с. 16-18]. Благодаря подобному содержанию дискурса, закрепляется культурная и биологическая категоризация мигрантов как носителей иного фенотипа, иных ценностей и традиций поведения, нежели местное население.

Содержание репрезентации мигрантов имеет динамичный характер и связано с этапами развития миграционного процесса в России. Рассмотрим далее сущностные характеристики медиадискурса о миграции в динамике, используя хронологическую рамку, предложенную И. В. Ивлевой и А. В. Тавровским [13, с. 150]:

1. 1990-2000 гг. — этап включения нашей страны в международный миграционный процесс. Для этого периода характерна пре-

имущественно репатриация выходцев из России и их потомков из бывших советских республик, спровоцированная стремлением вновь образованных государств к суверенитету, что нередко сопровождалось вооруженными конфликтами и русофобией. В материалах СМИ того времени распространена ассоциация стран Средней Азии и особенно Закавказья, а также выходцев из них, с насилием, войной и террором [2, 12].

2. 2000-2010 гг. — этап характеризуется массовой трудовой миграцией в Россию граждан среднеазиатских и закавказских республик, имеющей преимущественно возвратный характер. Благодаря процессу иммиграции в нашей стране возрастает культурное и этническое разнообразие, что способствует росту среди россиян ксенофобских и антимигрантских настроений. Негативное восприятие приезжих во многом формируется политическим и медийным дискурсами, поскольку политики и журналисты активно спекулируют на миграционной теме, эксплуатируя страхи населения и преувеличивая исходящие от мигрантов угрозы. В этот период в материалах медиа широко обсуждаются сложности адаптации и интеграции иностранных мигрантов [5]; муссируется нарратив «китайской угрозы», связанный со страхом вытеснения славянского населения с большей части территории России [12]. Доминирующим отношением к приезжим становится мигрантофобия — культурноэтнический негативизм и «плохо скрываемый национализм» [2, с. 21].
3. 2010-2014 гг. — период рецессии экономики после всемирного кризиса 2008 г., характеризуется турбулентностью социально-политической среды. Миграционная политика колеблется между либеральным и рестриктивным режимами, происходит реорганизация ключевого актора — федеральной миграционной службы. Коммуникация российского правительства в контексте миграционного дискурса (например,

политика сокращения квот) может рассматриваться как пример «государственной», или «правительственной» ксенофобии¹: речь идет о том, что, «хотя в демократических государствах политические элиты научились воздерживаться от открытых расистских заявлений, сама государственная политика способна с помощью законов, административных решений... и пр. конструировать отрицательный образ мигрантов и миграции, представляя их в качестве проблемы, угрозы и бремени для страны» [23, с. 393]. Уровень ксенофобии населения оценивается как достаточно высокий. В медиадискурсе о мигрантах доминирует тематика правонарушений различного толка [5], контекст «китайской угрозы» в СМИ меняется с территориальной на экономическую (прежде всего сырьевую) экспансию [2, 12].

4. 2014-2020 гг. — поток трудовых мигрантов из среднеазиатских республик замедляется, их общая численность в стране снижается (во многом из-за запретительных мер). Вместе с изменением экономической ситуации (обусловленной санкциями Запада) и политической повестки меняется и фокус медиадискурса: миграционная проблематика вытесняется на периферию «повестки дня». Информационные поводы задаются более актуальными темами, такими как Крым в составе России, Украина, нестабильность курса рубля, участие России в военной операции в Сирии и др. [27, с. 123; 30, с. 23-24]. Исследователи отмечают некоторое «улучшение положения в освещении темы мигрантов в СМИ» по сравнению с началом 2000-х гг. Это происходит за счет значительного сокращения публикаций, «создающих негативные этнические образы» приезжих [18, с. 170].

¹ Понятия «государственная»/«правительственная» ксенофобия введены и широко используются французскими исследователями по поводу миграционной политики Франции. Например, см. [46].

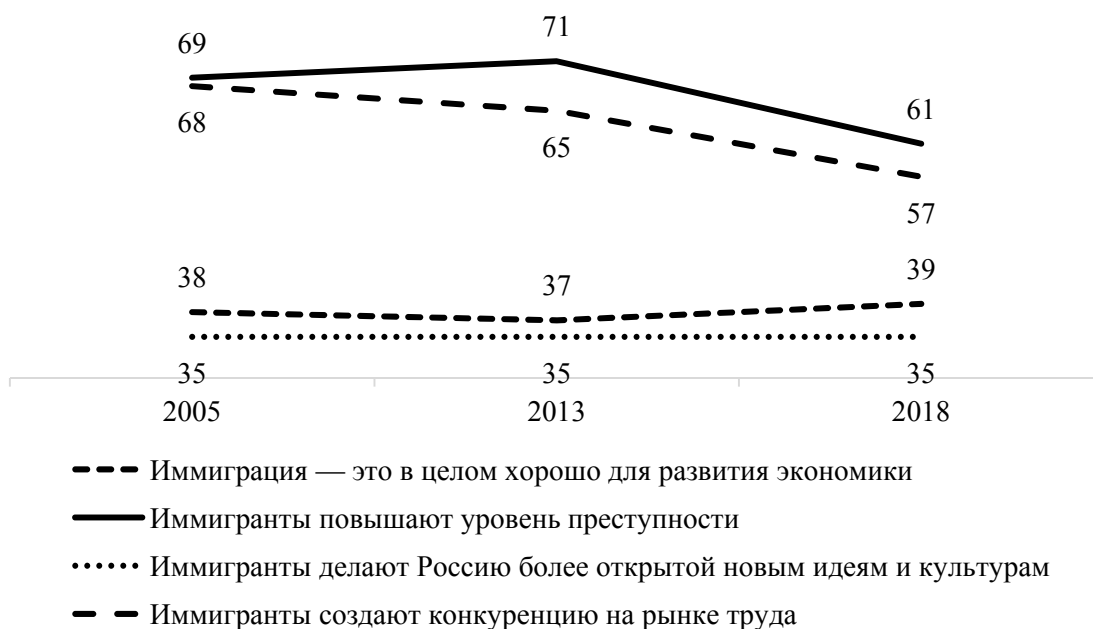
Тем не менее в репрезентации мигрантов на протяжении последнего десятилетия формируются новые социоморфные, связанные с экономическими явлениями, и антропоморфные, связывающие мигрантов с болезнью, метафоры [15, с. 36].

Отмеченные изменения содержания медиадискурса о миграции и мигрантах согласуются с динамикой отношения россиян к приезжим, фиксируемой социологическими опросами. Согласно исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенным с 2005 по 2018 г. и посвященным изучению мнения россиян о влиянии иммиграции на жизнь страны и их восприятию приезжих из других государств [14], наши соотечественники стали относиться к иммиграции и иммигрантам чуть лояльнее, однако по-прежнему видят в этом негативные последствия и отрицательно относятся к присутствию иностранных мигрантов в большинстве сфер (см. рис. 1).

Таким образом, выдвигаемая нами гипотеза о поддержании и даже усилении негативизма в репрезентации иностранных мигрантов в отечественных массмедиа подтверждается лишь частично. Уменьшение внимания СМИ к миграционной проблематике, с одной стороны, можно «рассматривать как позитивную тенденцию, поскольку внимание широкой общественности сосредотачивается на других вопросах, и межнациональная напряженность снижается. С другой стороны, репрезентация мигрантов в СМИ по-прежнему оценивается скорее, как негативная, нежели нейтральная или позитивная, а национально-культурные особенности мигрантов и их опыт жизни в России остаются непредставленными в массмедиа» [27, с. 128], что затрудняет формирование культуры взаимоотношений местного и иммигрантского сообществ.

Ограничением проводимых отечественными учеными исследований в области анализа медиадискурса и его влияния на формирование негативных установок по отношению к миграции и мигрантам у россиян является отсутствие в большинстве случаев доказательств предполагаемой причинно-следственной связи, что требует

Рис. 1. Динамика мнения россиян о влиянии иммиграции и иммигрантов на жизнь страны
 Fig. 1. The dynamics in the Russians' opinion on the impact of immigration and immigrants on the country's life

Примечание: По данным ВЦИОМ. На рис. представлены распределения индекса, который демонстрирует отношение россиян к иммиграции. Индекс строится на основе вопроса: «Насколько Вы согласны или не согласны с этими суждениями?» Ответу «скорее согласен» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Отчасти согласен, отчасти не согласен» — 0,5, «Скорее не согласен» — 0,1. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90. Подробнее см. [14].

Note: According to VCIOM. The figure shows the distribution of the index, which demonstrates the attitudes of the Russians toward immigration. The index is based on the question “To what extent do you agree or disagree with these judgments?”. The response “Most likely agree” is assigned a coefficient of 0.9, the response “Partially agree, partially disagree” is 0.5, and “Most likely disagree” is 0.1. The index is measured in points and can range from 10 to 90. For more details, see. [14].

проведения экспериментов. Среди изученных нами научно-исследовательских статей исключение составила только одна, где автор одновременно измерял у респондентов и отношение к иностранным мигрантам, и оценку ими содержания медиаматериалов по миграционной тематике [в частности см.: 8].

ВЫВОДЫ

Проведенное нами исследование показало, что современные российские массмедиа концентрируют свое внимание главным образом на объективности и неизбежности миграции. Однако при этом данный процесс в них зачастую рассматри-

вается как форма экономического и культурного экспансионизма.

«Признавая важность миграции для России в связи с дефицитом трудовых ресурсов и депопуляцией населения, власть и журналисты как субъекты медиадискурса одновременно искусно актуализируют необходимость „охранной“ стратегии и жесткого регулирования миграционных потоков» [2, с. 18]. Этот нарратив, транслируемый СМИ, с готовностью воспринимается аудиторией, потенциальным подтверждением чего выступают опросы общественного мнения, свидетельствующие о приверженности россиян «оборонительной тактике» в отношении мигран-

тов, а также о широком распространении мигрантофобии среди наших соотечественников. Важно отметить, что «аналогичной, „охранной“ стратегии придерживаются и мигранты, представляющие собой закрытую и маргинальную общность, ориентированную не на включенность в систему социальных отношений в России, а на внутригрупповые интересы» [22, с. 20]. Таким образом, мигранты как социальная общность находятся для граждан России за пределами их символического социума («мы-группа»), представляя собой четко ограниченную группу «чужих» («они-группа»).

Проанализированные в статье научные публикации отличаются друг от друга в смысле дизайна исследования, рассматриваемого периода и специфики региона изучения. Однако все они выявляют определенные сходства в освещении СМИ миграционной проблематики, в частности, присутствие алармизма. Исследователи признают, что материалы профессиональных отечественных медиа формально не выходят за рамки официальной политкорректности, хотя, например, заголовки негативного характера, призванные привлечь внимание и распространенные в СМИ, безусловно, оказывают направленное воздействие на потенциальную аудиторию. Определения, которые используются федеральными СМИ для обозначения иностранных рабочих — «мигранты», «гастарбайтеры», в социальных сетях служат основой для образования пейоративов, имеющих негативные коннотации и относящихся к болезням, например: «гастеры», «гастриты» [11, с. 18]. Возможность подобного применения материалов может свидетельствовать о формальности официальной политкорректности по отношению к трудовым мигрантам [11, с. 13]. В терминологии Дж. Томпсона [25], конструирование СМИ негативного отношения к иммигрантам может происходить благодаря действию в дискурсивном пространстве стратегии «унификации» и «сокрытия». Дискурсивный прием «унификации» позволяет на уровне фонового знания переносить связанные с нелегальной миграцией негативные значения на всех «чужих», поскольку СМИ наделяют мигрантов воображаемой коллективной идентичностью. Дискурсивная стратегия «сокрытия», в

свою очередь, позволяет частично или полностью переключать на мигрантов ответственность за проблемы российского общества, такие как рост цен, эскалация экстремизма, демографический кризис и др. [19, с. 260]. По наблюдению ряда исследователей, наполнение термина «мигранты» негативными смыслами может быть также связано с социальными и культурными классификациями, уже существующими в российском обществе: например, отношение к приезжим в определенной степени воспроизводит традицию пренебрежительного восприятия «лимитчиков», которые дополнительно маркируются этническими признаками [1, с. 7].

«При анализе СМИ важно учитывать, — отмечает Е. С. Данилко, — что современный человек буквально погружен в пространство интерактивных массмедиа, под действием которых существенно трансформируются его повседневный опыт и представления о реальности» [11, с. 12]. Особенностью интернет-пространства является, с одной стороны, то, что оппоненты, как правило, безымянны, выступают, что называется, «инкогнито», а с другой — их относительная юридическая неуязвимость. Это определяет потенциально конфликтное поведение участников коммуникации, позволяя им «легче преодолевать этические барьеры в использовании „языка вражды“»¹ [11, с. 18]. Большая часть комментариев в интернете не модерирована, и именно в этом пространстве посредством использования никнеймов этнических групп совместно конструируются образы «чужих», «укрепляется и корректируется этническая иерархия» [33, с. 2]. По этой причине в последнее десятилетие стремительно повышается значение социальных сетей, блогов и интернет-изданий для изучения мигрантофобии. Новые медиа предоставляют ученым обширнейшие массивы данных для исследований, требуя при этом использования самых современных технологий сбора и анализа информации, которые пока мало применяются отечественными исследователями. Учитывая, что 2020 г. ознаменовал

¹ Феномен, названный Дж. Сулером «эффектом дезадаптации в режиме реального времени» [45].

собой очередной этап миграционного процесса, связанный с общемировыми ограничениями на пространственное передвижение людей, а также работу предприятий и организаций, интерес представляют вопросы: повлияла ли пандемия COVID-19 на отношение россиян к иностранным мигрантам? Изменились ли миграционный дискурс и образы трудовых мигрантов, транслиру-

емые СМИ? Трансформирующаяся реальность открывает перед исследователями репрезентации миграции и мигрантов в массмедиа новую важную и интересную перспективу.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ № 19-011-00879.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм / С. Н. Абашин // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3-13.
2. Аблажей Н. Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян / Н. Н. Аблажей // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11. Вып. 6: Журналистика. С. 17-23.
3. Анисимов А. Ю. Специфика освещения миграционной тематики на страницах районных печатных средств массовой информации / А. Ю. Анисимов, Д. В. Туманов // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. 2017. Том 159. Кн. 3. С. 672-679.
4. Варганова О. Ф. Образ трудового мигранта в СМИ (по результатам контент-анализа) / О. Ф. Варганова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 184-186.
5. Варганова О. Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) / О. Ф. Варганова // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 81-93.
6. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 84-89.
7. В России выросли ксенофобные настроения // Левада-центр. 2018. 27 августа. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya> (дата обращения: 23.11.2020).
8. Гончарова Н. П. «Миграционный» лексикон средств массовой информации и общественное отношение к мигрантам / Н. П. Гончарова // Социальная политика и социология. 2017. Том 16. № 1. С. 88-95. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-88-95
9. Гончарова Н. П. Поведенческие стратегии адаптации трансграничных мигрантов в принимающем сообществе / Н. П. Гончарова, Д. А. Омельченко // Дневник Алтайской школы политических исследований № 30. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия): сб. науч. ст. / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 112-117.
10. Гудков Л. Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. 2005. № 6. С. 60-77.
11. Данилко Е. С. Конфликты, связанные с мигрантами, на YouTube.com / Е. С. Данилко // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 10-23. DOI: 10.31857/S086954150010045-9
12. Дятлов В. И. «Граждане ближнего зарубежья» и другие... / В. И. Дятлов // Дружба народов. 2011. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/4/grazhdane-blizhnego-zarubezhya-i-drugie.html> (дата обращения: 24.11.2020).
13. Ивлева И. В. Образы трудовых мигрантов в российских медиа / И. В. Ивлева, А. В. Тавровский // Этнографическое обозрение. 2019. № 1. С. 149-165. DOI: 10.31857/S086954150004186-4
14. Иммиграция в Россию: благо или вред? (Аналитический обзор) // ВЦИОМ. 2018. 19 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> (дата обращения: 22.11.2020).

15. Киреева О. В. Метафорическое моделирование миграции в дискурсе российских и британских СМИ / О. В. Киреева // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 31-38.
DOI: 10.26170/pl19-04-03
16. Комарова Е. В. Образ мигранта в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа / Е. В. Комарова // Филология и культура. 2019. № 4 (58). С. 52-60.
DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-52-60
17. Кузнецова Е. М. Региональные интернет-СМИ как инструмент формирования межкультурных коммуникаций (на примере информационного портала 59.ru) / Е. М. Кузнецова, И. А. Зайцева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55): в 2 ч. Ч. II. С. 91-94.
18. Нам И. В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) / И. В. Нам, Е. М. Карагеоргий, А. И. Ермолова, Е. В. Никитина // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166-192. DOI: 10.17223/2312461X/15/11
19. Низамова Л. Р. Репрезентация миграционных процессов в газетном дискурсе республики Татарстан / Л. Р. Низамова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 253-262.
20. Пипия К. Отношение к трудовым мигрантам / К. Пипия // Левада-центр. 2017. 28 апреля.
URL: <http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam> (дата обращения: 23.11.2020).
21. Пипия К. Из чего сделан «социальный клей» / К. Пипия // Ведомости. 2019. 26 февраля.
URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/26/795217-sotsialnii-klei>
(дата обращения: 12.11.2020).
22. Пяткова Е. А. Социальная адаптация трудовых мигрантов из Средней Азии: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Пяткова. Екатеринбург, 2005. 22 с.
23. Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России / А. Регаме // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 389-406.
24. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ / Т. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3 (23). С. 115-118.
25. Томпсон Дж. Б. Идеология и современная культура / Дж. Б. Томпсон // Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию исследования / М. М. Назаров. М.: Аванти плюс, 2003. С. 257-264.
26. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
27. Фадеев П. В. Медиа как фактор формирования отношения к мигрантам / П. В. Фадеев // Вестник института социологии. 2015. № 4 (15). С. 108-128.
28. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
29. Шерман Е. М. Образ «Чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного / Е. М. Шерман // Дневник алтайской школы политических исследований. 2014. № 30. С. 41-45.
30. Шибанова Н. А. Визуализация образа трудового мигранта на страницах российских электронных СМИ / Н. А. Шибанова // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 1. С. 191-195.
31. Шибанова Н. А. Конфликтный потенциал конструирования образа мигранта электронными СМИ / Н. А. Шибанова // Экономика и социология. 2016. № 29. С. 22-28.
32. Якимова О. А. Динамика отношения к иммигрантам в России в контексте ее сравнения с Европейскими странами / О. А. Якимова, А. С. Меньшиков // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. № 2 (188). С. 46-61.
33. Allen I. L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture / I. L. Allen. New York: Columbia University Press, 1983. 163 pp.
34. Bahry D. Opposition to immigration, economic insecurity and individual values: evidence from Russia / D. Bahry // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68. No. 5. Pp. 893-916. DOI: 10.1080/09668136.2016.1178710

35. Bessudnov A. Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia / A. Bessudnov // *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. No. 5. Pp. 567-580. DOI: 10.1093/esr/jcw002
36. Esses V. M. The immigration dilemma: the role of perceived group competition, ethnic prejudice, and national identity / V. M. Esses, J. F. Dovidio, L. M. Jackson, T. L. Armstrong // *Journal of Social Issues*. 2001. Vol. 57. No. 3. Pp. 389-412. DOI: 10.1111/0022-4537.00220
37. Gilens M. Racial attitudes and opposition to welfare / M. Gilens // *Journal of Politics*. 1995. Vol. 57. No. 4. Pp. 994-1014. DOI: 10.2307/2960399
38. Gorodzeisky A. Opposition to immigration in contemporary Russia / A. Gorodzeisky // *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 35. No. 3. Pp. 205-222. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1534473
39. Gorodzeisky A. The nature of anti-immigrants sentiment in post-socialist Russia / A. Gorodzeisky, A. Glikman, D. Maskileyson // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. No. 2. Pp. 115-135. DOI: 10.1080/1060586X.2014.918452
40. Gudkov L. Xenophobia: past and present / L. Gudkov // *Russia in Global Affairs*. 2006. Vol. 4. No. 1. Pp. 58-66. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/xenophobia-past-and-present/> (дата обращения: 23.11.2020).
41. Larsen Ch. A. Ethnic heterogeneity and public support for welfare: is the American experience replicated in Britain, Sweden and Denmark? / Ch. A. Larsen // *Scandinavian Political Studies*. 2011. Vol. 34. No. 4. Pp. 332-353. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2011.00276.x
42. Pain E. A. Xenophobia and ethno-political extremism in Post-Soviet Russia: dynamics and growth factors / E. A. Pain // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35. No. 5. Pp. 895-911. DOI: 10.1080/00905990701651851
43. Schmidt-Catran A. W. Immigration and welfare support in Germany / A. W. Schmidt-Catran, D. C. Spies // *American Sociological Review*. 2016. Vol. 81. No. 2. Pp. 242-261. DOI: 10.1177/0003122416633140
44. Stephan W. G. Intergroup Threat Theory / W. G. Stephan, O. Ybarra, K. Rios // *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination* / T. D. Nelson (ed.). 2nd ed. New York; London: Psychology Press, 2016. Pp. 255-278.
45. Suler J. The online disinhibition effect / J. Suler // *CyberPsychology & Behavior*. 2004. Vol. 7. No. 3. Pp. 321-326. DOI: 10.1089/1094931041291295
46. Valluy J. Du retournement de l'asile (1948-2008) à la xénophobie de gouvernement: construction d'un objet d'étude / J. Valluy // *Cultures et conflits*. Printemps. 2008. No. 69. Pp. 81-111. DOI: 10.4000/conflits.10752
47. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice* / T. Van Leeuwen. Oxford: Oxford University Press, 2008. 192 pp.
48. Van Oorschot W. Making the difference in Social Europe: deservingness perception among citizens of European Welfare States / W. Van Oorschot // *Journal of European Social Policy*. 2006. Vol. 16. No. 1. Pp. 23-42. DOI: 10.1177/0958928706059829

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40

UDC 316.4

Representation of migrants in the Russian mass media and its dynamics (2010-2020)

Olga A. Iakimova

Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Integrated Marketing Communications and Branding,
Ural Federal University (Yekaterinburg)
ORCID: 0000-0003-2212-4357
o.a.iakimova@urfu.ru

Abstract. Over the last decades, scholars have reported a high level of xenophobia in Russia, which persists and spreads amidst all strata of the population. This shows the significance of the migration issue in the country and its topicality in the public discourse. However, the explanatory models used to analyze the perception of immigrants in Western countries do not find absolute empirical support in Russia. For this reason, researchers emphasize the importance of media discourse as a leading factor in constructing attitudes toward the foreign migrants in Russia. We take into account, firstly, the persistence of xenophobic attitudes among Russians, and secondly — the role of the migrants' image, constructed by mass media, in shaping the perception of the immigrants among the locals. In this regard, this article hypothesizes that despite the official ban of the “hate language” and ethnization of crime, the negative representation of immigrants not only persists in the Russian media discourse, but is unfortunately increasing. To test this hypothesis, we utilize the results of research on the representation of immigration in Russian media discourse published between 2010 and 2020, which we analyze in the methodological framework of critical discourse analysis. We conclude that at the end of the current decade, there have been certain improvements in the media coverage of the migration issue, caused by the shift of the spotlight onto other problems, thus, the negative images of immigrants simply were not a part of the media agenda. On the one hand, this can help reduce ethnic tensions, although on the other, it complicates the development of the culture of interaction between the local and immigrant communities, since the national and cultural characteristics of migrants and their experience of living in Russia remain underrepresented in the media.

Keywords: media discourse, transnational migrants, xenophobia, critical discourse analysis, Russia.

Citation: Iakimova O. A. 2020. “Representation of migrants in the Russian mass media and its dynamics (2010-2020)”. *Siberian Socium*, vol. 4, no. 4 (14), pp. 22-40. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-22-40

Acknowledgements. The work supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project No. 19-011-00879.

REFERENCES

1. Abashin S. N. 2012. “Migration from Central Asia: practices, local communities, transnationalizm”. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 3-13. [In Russian]
2. Ablazhey N. N. 2012. “The image of labour migrants in the media and public conscience of Russians”. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no. 6: *Zhurnalistika*, pp. 17-23. [In Russian]

3. Anisimov A. Yu., Tumanov D. V. 2017. "Features of the migration issue coverage in regional mass media". *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 159, no. 3, pp. 672-679. [In Russian]
4. Varganova O. F. 2012. "The image of a labour migrant in the media (on the results of content-analysis)". *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, no. 3 (13), pp. 184-186. [In Russian]
5. Varganova O. F. 2015. "The image of a labour migrant in the federal and regional media". *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, no. 3 (11), pp. 81-93. [In Russian]
6. Vesnina L. E. 2010. "Metaphorical modeling of migration in the Russian print media". *Politicheskaya lingvistika*, no. 1 (31), pp. 84-89. [In Russian]
7. Levada-center. 2018. "Xenophobic attitudes are on the rise in Russia". 27 August. Accessed 23 November 2020. <https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya> [In Russian]
8. Goncharova N. P. 2017. "'Migration' lexicon of the mass media and the public attitude towards migrants". *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*, vol. 16, no. 1, pp. 88-95. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-88-95 [In Russian]
9. Goncharova N. P., Omelchenko D. A. 2014. "Behavioral strategies of adaptation among transnational migrants in the receiving community". In: Chernyshova Yu. G. (ed.). *The Diary of Altai School of Political Studies, No. 30. Contemporary Russia and the World: Alternatives of Development (Transnational migrants and the hosting society: mutual perception and the issue of cultural interaction)*, pp. 112-117. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo universiteta. [In Russian]
10. Gudkov L. D. 2005. "Displaced aggression: the attitude of Russians toward migrants". *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 6, pp. 60-77. [In Russian]
11. Danilko E. S. 2020. "Migrant-related conflicts on YouTube.com". *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 10-23. DOI: 10.31857/S086954150010045-9 [In Russian]
12. Dyatlov V. I. 2011. "Citizens of the 'near abroad' and others". *Druzhba narodov*, no. 4. Accessed 24 November 2020. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/4/grazhdane-blizhnego-zarubezhya-i-drugie.html> [In Russian]
13. Ivleva I. V., Tavrovskiy A. V. 2019. "The representation of labour migrants in the Russian media". *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 149-165. DOI: 10.31857/S086954150004186-4 [In Russian]
14. VTsIOM. 2018. "Immigration to Russia: good or bad? (Analytical review)". 19 December. Accessed 22 November 2020. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> [In Russian]
15. Kireeva O. V. 2019. "Metaphorical representation of migration in british and russian mass media discourse". *Politicheskaya lingvistika*, no. 4 (76), pp. 31-38. DOI: 10.26170/pl19-04-03 [In Russian]
16. Komarova E. V. 2019. "The image of a migrant in media discourse: traditional mass media and new media". *Philology and Culture*, no. 4 (58), pp. 52-60. DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-52-60 [In Russian]
17. Kuznetsova E. M., Zaytseva I. A. 2015. "Regional Internet media as a tool of the formation of intercultural communication". *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (55): in two parts, part 2, pp. 91-94. [In Russian]
18. Nam I. V., Karageorgiy E. M., Ermolova A. I., Nikitina E. V. 2017. "The image of labour migrants constructed by the mass media: the case of Tomsk". *Siberian Historical Research*, no. 1, pp. 166-192. DOI: 10.17223/2312461X/15/11 [In Russian]
19. Nizamova L. R. 2014. "Representation of migrants' protests in the newspaper discourse in Tatarstan". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 6, pp. 253-262. [In Russian]
20. Pipiya K. 2017. "The perception of labour migrants". *Levada-center*, 28 April. Accessed 23 November 2020. <http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam> [In Russian]
21. Pipiya K. 2019. "What is the 'social glue' made of?". *Vedomosti*, 26 February. Accessed 12 November 2020. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/26/795217-sotsialnii-klei> [In Russian]

22. Pyatkova E. A. 2005. "Social adaptation of labour migrants from Central Asia". Cand. Sci. (Soc.) diss abstract. Ekaterinburg. [In Russian]
23. Regame A. 2010. "The image of migrants and migration policy in Russia". *Antropologicheskii forum*, no. 13, pp. 389-406. [In Russian]
24. Skrebtsova T. G. 2007. "The image of the migrant in the contemporary Russian mass media". *Politicheskaya lingvistika*, issue 3 (23), pp. 115-118. [In Russian]
25. Tompson J. B. 2003. "Ideology and contemporary culture". In: Nazarov M. M. (ed.). *Mass Communication and Society. Introduction to the Theory of Research*, pp. 257-264. Moscow: Avanti plus. [In Russian]
26. Dyatlov I. V. (ed.). 2009. *Transnational Migrations and Receiving Society: Mechanisms and Practices of Mutual Adaptation*. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 396 pp. [In Russian]
27. Fadeev P. V. 2015. "The media as a factor of the formation of an attitude toward migrants". *Vestnik instituta sotsiologii*, no. 4 (15), pp. 108-128. [In Russian]
28. Chudinov A. P. 2001. *Russia in a Metaphorical Mirror: The Cognitive Study of Political Metaphor*. Ekaterinburg: Uralskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 238 pp. [In Russian]
29. Sherman E. M. 2014. "The image of 'the other': the portrait of migrants in the mass media and archetypes of the unconscious". *Dnevnik altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*, no. 30, pp. 41-45. [In Russian]
30. Shibanova N. A. 2014. "Visualization of the image of a labour migrant in the Russian electronic media". *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 1, pp. 191-195. [In Russian]
31. Shibanova N. A. 2016. "The conflict potential of the formation of the image of a migrant by electronic media". *Ekonomika i sotsiologiya*, no. 29, pp. 22-28. [In Russian]
32. Iakimova O. A., Menshikov A. S. 2019. "The dynamics of attitudes toward immigrants in Russia in comparison with European countries". *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, no. 2 (188), pp. 46-61. [In Russian]
33. Allen I. L. 1983. *The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture*. New York: Columbia University Press. 163 pp.
34. Bahry D. 2016. "Opposition to immigration, economic insecurity and individual values: evidence from Russia". *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 5, pp. 893-916. DOI: 10.1080/09668136.2016.1178710
35. Bessudnov A. 2016. "Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia". *European Sociological Review*, vol. 32, no. 5, pp. 567-580. DOI: 10.1093/esr/jcw002
36. Esses V. M., Dovidio J. F., Jackson L. M., Armstrong T. L. 2001. "The immigration dilemma: the role of perceived group competition, ethnic prejudice, and national identity". *Journal of Social Issues*, vol. 57, no. 3, pp. 389-412. DOI: 10.1111/0022-4537.00220
37. Gilens M. 1995. "Racial attitudes and opposition to welfare". *Journal of Politics*, vol. 57, no. 4, pp. 994-1014. DOI: 10.2307/2960399
38. Gorodzeisky A. 2019. "Opposition to immigration in contemporary Russia". *Post-Soviet Affairs*, vol. 35, no. 3, pp. 205-222. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1534473
39. Gorodzeisky A., Glikman A., Maskileysen D. 2015. "The nature of anti-immigrants sentiment in post-socialist Russia". *Post-Soviet Affairs*, vol. 31, no. 2, pp. 115-135. DOI: 10.1080/1060586X.2014.918452
40. Gudkov L. 2006. "Xenophobia: past and present". *Russia in Global Affairs*, vol. 4, no. 1, pp. 58-66. Accessed 23 November 2020. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/xenophobia-past-and-present/>
41. Larsen Ch. A. 2011. "Ethnic heterogeneity and public support for welfare: is the American experience replicated in Britain, Sweden and Denmark?". *Scandinavian Political Studies*, vol. 34, no. 4, pp. 332-353. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2011.00276.x
42. Pain E. A. 2007. "Xenophobia and ethno-political extremism in post-soviet Russia: dynamics and growth factors". *Nationalities Papers*, vol. 35, no. 5, pp. 895-911. DOI: 10.1080/00905990701651851
43. Schmidt-Catran A. W., Spies D. C. 2016. "Immigration and welfare support in Germany". *American Sociological Review*, vol. 81, no. 2, pp. 242-261. DOI: 10.1177/0003122416633140

44. Stephan W. G., Ybarra O., Rios K. 2016. "Intergroup threat theory". In: Nelson T. D. (ed.). Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination. 2nd edition, pp. 255-278. New York and London: Psychology Press.
45. Suler J. 2004. "The online disinhibition effect". *CyberPsychology & Behavior*, vol. 7, no. 3, pp. 321-326. DOI: 10.1089/1094931041291295
46. Valluy J. 2008. "Du retournement de l'asile (1948–2008) à la xénophobie de gouvernement: construction d'un objet d'étude". *Cultures et conflits*. Printemps, no. 69, pp. 81–111. DOI: 10.4000/conflits.10752
47. Van Leeuwen T. 2008. *Discourse and Practice*. Oxford: Oxford University Press.
48. Van Oorschot W. 2006. "Making the difference in social europe: deservingness perception among citizens of European welfare states". *Journal of European Social Policy*, vol. 16, no. 1, pp. 23-42. DOI: 10.1177/0958928706059829